

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика развития и исторического наследия партийной системы России в рамках демократических процессов. Автор исследует первопричины зарождения народного представительства в политической сфере жизни, проводя сравнительный анализ опыта западных стран и России. Эволюция институтов власти, начиная с земских соборов, заложила принципиальные основы правомерности и законности в общественном сознании, которые кардинально отличаются от политической культуры Соединенных Штатов Америки или Великобритании. Приводятся выводы об ошибочности веры в аксиому универсальности и безальтернативности американской модели партийной системы, подчеркивается невозможность ее эффективной имплементации в нашу страну вследствие уникальности культурного, духовного, социального и исторического развития России. Попытки трансформации российского политического сознания, игнорирующие сложившееся понимание партийной системы, на сегодняшний день не принесли ожидаемых результатов. Более того, ориентация на западные шаблоны уже не раз подрывала стабильность и единство нашей страны, что означает вероятность возникновения нового кризиса в будущем, если страна откажется от поиска своего собственного пути.*

***Ключевые слова:** политические партии, политическая культура, общественное сознание, политические институты, парламентаризм, государственная власть, политическая система, Земский собор, христианство, православие, протестантизм, Западная Европа, США.*

HISTORICAL, POLITICAL AND SOCIO- PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE PARTY SYSTEM OF MODERN RUSSIA

***Abstract.** The article examines the specifics of the development and historical heritage of the Russian party system in the context of democratic processes. The author explores the origin of the public representation in the political sphere of life, conducting a comparative*

ТРУБЕЦКОЙ Алексей Юрьевич – доктор психологических наук, руководитель Фонда «Российский общественно-политический центр» (Росполитика), г. Москва

Статья впервые была опубликована в сборнике «Электоральные процессы в современной России: материалы Всероссийской научной конференции». СПбГУ, С.-Петербург. 2017. С. 130–137. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6901/1/Электоральные%20процессы.pdf>. Публикуется с авторскими изменениями и дополнениями.

analysis of the experience of Western countries and Russia. The evolution of institutions of power, starting with the «Zemsky Sobor», constructed perception of legal basis and legitimacy in the public consciousness, which are fundamentally different from the political culture of the United States of America or Great Britain. Contrary to popular misconceptions, conclusions are drawn concerning misleading belief in the axiom of universality and the lack of alternatives to the American model of the party system, emphasizing the impossibility of its effective implementation in Russia due to the unique nature of its cultural, spiritual, social, and historical development. Attempts to transform Russian political consciousness, ignoring the existing understanding of the party system, have not brought the expected results to date. Moreover, the focus on Western models has more than once undermined the stability and unity of Russia, which means that a new crisis is likely to arise in the future if the country refuses to find its own way.

Keywords: Political parties, political culture, public consciousness, political institutions, parliamentarism, governmental authority, political system, Zemsky Sobor, Christianity, Orthodoxy, Protestantism, Western Europe, USA.

Первые политические партии появились в России в конце XIX века как идейно-интеллектуальные кружки, а потом — как объединения единомышленников. Они были немногочисленны, однако в силу принятых декретов и появившейся свободы слова их мысли и идеи быстро становились достоянием широких масс. Ни для кого не секрет, что этот процесс закончился разрушением Российской империи из-за событий 1917 года. После развала Советского Союза в России возникло огромное количество политических партий, которые олицетворяли для граждан бывшего СССР долгожданную свободу. Больше всего прогрессивных граждан радовала возможность выбрать ту партию, которая нравится им самим. Это представлялось истинной демократией, которая много лет для советских людей была желанным, но запретным «плодом».

После первых выборов в Государственную Думу и начальных «результатов» реформ пришло и первичное понимание, что развитие партийной системы в стране на самотек пускать нельзя, — слишком велики риски потерять управляемость и власть. Необходимо было создать контролируемую политическую реальность. Началось с создания партии, которая по замыслу творцов могла бы объединить элиту и избирателей вокруг двух простых идей: противостоять «ненавистным» коммунистам и поддержать «правильную» власть, которая хочет и знает «как лучше для народа». Однако инициатива потерпела неудачу, что вынудило начать строительство двухпартийной системы, — как в США, но опять же без учета исторического опыта и национальных реалий России. В результате получилась четырехпартийная система, которая была обременительна для власти и не очень убедительна с точки зрения гражданского общества.

Почему же новые свободы после развала СССР не дали желаемых результатов? Дело в том, что наша страна всегда развивалась под сильным влиянием и давлением Европы: попытки перенести на ее почву европейские

идеи просвещения, модели и образцы образования, военного и политического устройства наблюдаются на протяжении всей истории российского государства [1, с. 20–25]. За это время сложилось устойчивое восприятие научной практики изучения России, будто она развивается по европейскому пути, только с отставанием на полвека. Альтернативный подход, что государство движется самостоятельно и самобытно, до последнего времени считался чуть ли не псевдонаучным [2, с. 142–144].

Оба подхода представляют определенный интерес для теоретических исследований, но все же намного важнее понять причины недостаточной эффективности практического опыта политических институтов. Почему партийно-политическая система в современной России де-факто является не партийным инструментом представительства каких-либо групп интересов, а малопонятной надстройкой имитационного, или скорее, манипуляционного характера? Показательно, что сегодня система политических партий — один из самых непопулярных институтов в восприятии гражданского общества — по данным ВЦИОМ, индекс доверия политическим партиям составляет порядка 30 пунктов, в то же время по отношению к СМИ он равен почти 60 пунктам, не говоря уж о доверии к РПЦ, который превышает 70 пунктов¹.

Возможным объяснением данного феномена может послужить то обстоятельство, что институт политических партий в его западноевропейской модификации является чужеродным элементом для российской политической культуры. В нашей стране западная модель не приживается не в силу каких-то объективных или субъективных обстоятельств, — она не принимается самой системой общественно-политических и исторических практик. Так было в начале XX века, когда партии впервые появились в стране, так же произошло и в результате эволюции большевистского режима; сегодня похожие процессы начинают повторяться. Вероятно, первопричина проблематики построения эффективной системы политических партий на отечественной почве — это глубинная разница между западноевропейской и русской историей общественно-политического развития, опытом и характером взаимоотношений власти и общества и, как результат, различиями в общественно-политическом сознании россиян и европейцев.

Возникновение партий и парламентаризма

Очевидно, что современные политические партии — это исторический продукт общественно-политических практик Западной Европы, сформированный на обломках Римской империи и уходящий корнями в античность. Формально массовое появление политических партий относится

¹ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных и общественных институтов, рейтинги партий 10 мая 2018 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-odobreniya-raboty-gosudarstvennykh-i-obshchestvennykh-institutov-rejtingi-partij> (дата обращения: 01.02.2024).

к середине позапрошлого столетия. Как отмечают специалисты, к 1850 году политические партии в том виде, который мы знаем, существовали только в Соединенных Штатах Америки, где они возникли в начале XIX века в рамках борьбы между сторонниками сильного центрального правительства (федералисты) и конфедеративной системы управления (республиканцы). Так как появление политических партий в России относится к концу XIX — началу XX веков, на поверхности соответствующего дискурса может оказаться ошибочный вывод о том, что наша страна в этом вопросе шла по западноевропейскому пути, но с определенным опозданием [3, с. 24–26]. Однако де-факто в европейской культуре партии существовали столетиями, то есть задолго до их формального возникновения и описания.

Враждующие группировки в античных республиках или кланы, которые складывались вокруг какого-либо крупного феодала в средневековой Франции, клубы, объединявшие депутатов революционных ассамблей эпохи Великой французской революции, комитеты, подготавливавшие выборы в конституционных монархиях, имеют общие черты с политическими партиями современной эпохи. Все они были подчинены общей цели и задаче, смысл которой состоит в участии в борьбе за власть и/или влиянии на принятие властью нужных им решений. Те же создававшиеся в Великобритании в XVIII — начале XIX веков избирательные комитеты, из которых выросла Консервативная партия, зачастую представляли собой группу из нескольких друзей и зависимых от них персон для обеспечения избрания или переизбрания их лидера. Эта схема практически в чистом виде воспроизводит патрон-клиентские отношения, существовавшие в поздней Римской республике, одной из функций которых было получение патроном выборной должности (консула, трибуна, цензора и т.д.).

Как и в античном Риме, в развитии парламентских партий Великобритании, ставших затем своего рода образцом для остальной Европы, большую роль сыграли деньги, точнее то, как они использовались, и то, что позднее стало называться коррупцией. В течение длительного времени английские министры обеспечивали себе прочное большинство, покупая голоса. Это получило чуть ли не официальный статус, — в палате представителей даже существовало окошечко, где парламентарии могли узнать цену своего голоса в момент баллотирования [4, с. 2–7]. В 1714 году в Англии был учрежден пост политического секретаря казначейства, ответственного за финансовые операции, — он контролировал распределение средств среди парламентариев, а также их голосование и выступления. Позднее должность секретаря трансформировалась в партийного организатора, играющего важную роль в ведущих политических партиях Великобритании и США. Позднее итогом этой трансформации стал американский закон о лоббизме.

Политические партии Европы и Соединенных Штатов Америки в их современном виде — это, во-первых, итог длительной эволюции, во-вторых, они являются органической частью политической культуры и общественного

сознания, обращенной к борьбе за власть. Развитие обоих факторов происходило в течение столетий и в рамках известных и понятных условий, по крайней мере одно из которых можно определить как постоянно присутствующую «фракционность» общества, источником которой выступал феодализм с его сложной системой взаимодействия между сюзереном и вассалом. В результате практически вся западноевропейская история представляет собой борьбу за обособление и суверенизацию отдельных групп и институтов: городов от гегемонии феодалов, рыцарей от могущества короля, светской власти от диктата католической церкви, ремесленников от давления города, буржуа от влияния аристократии и королевского правления и так далее.

Еще одним важным обстоятельством является отсутствие жесткой границы и водораздела между обществом и властью. Христианская культура исходит из того, что власть от бога и люди должны ей подчиняться. Западное общественное самосознание, соглашаясь с исходным постулатом, считает при этом возможным получение власти в результате активных действий по борьбе за власть. Подобный феномен также является естественным наследием феодализма, когда король, избранный наследственным образом, будучи божьим помазанником, в рамках существующей иерархии оставался «первым среди равных», — его божественный статус мог быть оспорен только силой или властью Ватикана.

В результате в западной политической культуре общество (и партии, как его политические составляющие) и власть находятся в постоянном взаимодействии и конкуренции, в рамках которых общественные институты и их лидеры пытаются стать властью. При этом такое положение вещей абсолютно естественно с точки зрения как закона и устоявшихся исторических и политических практик, так и общественного сознания. В западной политической культуре борьба за власть — это не вызов божественному миропорядку, а устоявшийся формат функционирования общественной политической системы. В свою очередь, отношения между государством и общественными институтами не носят иерархичного характера (или они смягчены), — они взаимодействуют как равные политические субъекты, постоянно готовые к тому, что их положение и статус могут изменяться.

Все это вместе взятое представляет собой защиту приоритета индивидуальных и групповых интересов над общими интересами, которые являлись движущей силой западноевропейской истории; в их конфликтном (или как минимум конкурентном) взаимодействии и происходило рождение институтов. То есть, консенсус через конфликт между группами, индивидуумами и различными институтами и был двигателем общественного развития в Западной Европе и США.

Здесь важная роль принадлежала и принадлежит политическим партиям (в фактическом, а не формальном смысле), которые являются исторически сформированными инструментами представительства групповых интересов и их согласования, в том числе, в борьбе за саму власть [5, с. 70–74].

В современном мире институтом представительства этих групповых интересов стал парламент. То есть, европейские политические партии неразрывно связаны с парламентаризмом, который, кстати, также выступает продуктом феодальной системы; ограничения общего в пользу частного вне парламентаризма существовать в настоящее время не могут.

А если вспомнить исследования известного немецкого философа и социолога М. Вебера (1864–1920) о процессах перехода от традиционного общества к современному, то есть от религиозности к десакрализации, рационализму и секуляризации, в основе которого лежала протестантская этика, то картина с западноевропейскими партиями становится еще более понятной [6, с. 5–18]. Протестантская этика снимает организационно институциональные и ритуальные опосредования отношений между человеком и богом, то есть на первый план выходят самостоятельность и независимость индивида, в том числе от церкви, духовенства и ритуала; ключевым элементом является индивидуальная вера в Христа, как спасителя человечества [7, с. 98–105].

Российская политическая культура

Российская политическая культура наследует иной исторический опыт и базируется на принципиально иной основе, иных ценностях, событиях и моделях [8, с. 40–41]. В первую очередь, необходимо учитывать различия между протестантской и православной этикой, — то, что по-видимому и создавало проблемы, которые не позволили российскому общественному сознанию в XIX–XX веках осуществить полноценный переход от традиционного теоцентричного сознания к современному хомоцентричному, рациональному и секуляризованному сознанию, лишенному божественной сакральности. А затем — отсутствие в обозримой истории каких-либо общественных институтов, обслуживающих или защищающих интересы чьих-то или каких-либо групп, за исключением верховной власти, служения государю и Отечеству. Известно обратное — образование каких-либо объединений рассматривалось в России как заговор и измена против божественной власти и каралось смертной казнью.

И, наконец, необходимо принимать во внимание реализацию общественной потребности взаимодействия общества и власти (или как говорят в народе, — потребности «достучаться до власти»), которая породила отличную от западной партийно-парламентской модели форму общественно-политического представительства — сход или собрание. Соборность, которая опирается на православную этику. В ее основе лежит не индивидуализм и самостоятельность (в т.ч. в вопросах веры), а убежденность в возможности действия и решении вопросов только сообща и совместно.

В свою очередь эта убежденность исходит из понимания спасения души через совместную молитву в единой, соборной и апостольской церкви.

Соборность, как пример, нашла свое идеальное воплощение в российских земских соборах XVI–XVII веков, которые вопреки распространенному мнению не являлись аналогом британского парламента или французских Генеральных штатов. Земские соборы использовали организационные формы и опыт поместных церковных соборов, который был (и, по-видимому, остается) лучше всего приспособлен к общественно-политическому сознанию российского общества и его политической элиты.

М. Вебер, первым глубоко исследовавший различия между Востоком и Западом, влияние культурных и религиозных традиций и особенностей на развитие общества и его экономическое устройство (в частности, «протестантской этики и духа капитализма») [9, с. 1–320], отмечал, что земство — наиболее жизнеспособный и авторитетный в общественном мнении и исторически доказавший свою действенность институт. Кстати, в те годы — в начале XX века, когда давались эти оценки, практически никто Россию отстающей от Европы страной не считал.

Следует обратить внимание на моменты, отличающие соборную политическую бытийность от западной парламентской политической культуры, «плоть от плоти» которой выступают политические партии. Западная политическая культура (основанная на все той же протестантской этике) в своих исходных посылах и конечных устремлениях рациональна и чрезвычайно технократична [10, с. 245–271]. Соборная культура, наоборот, ориентирована на достижение общих и высших целей, она иррациональна и принципиально антиинституциональна.

Различия между соборной и западной политической культурами определяются не только разным отношением человека к богу и вере, но и разницей в католической и православной концепции авторитета. С точки зрения католической церкви, лучшим знатоком и верховным судьей в вопросах вероучения является Папа — глава церковной иерархии. Восточная (православная) церковь утверждает авторитет церкви как совокупность всех истинно верующих. При этом парадоксальным образом «мирское» в западной культуре носит эгалитарный характер. То есть здесь люди и институты на равных разбираются между собой, пытаются построить «Царство Божие» (и его секулярные аналоги) на земле, а в православной культуре «Царство Божие» находится на небесах, а задача власти — ее и право и долг, заключается в том, чтобы строить на земле его подобие.

Слово «собор» (по-гречески «синод», по-латински «консилиум») означает «путь, по которому вместе приходят к одной цели». Он заключается в поиске каждым участником собора согласия с волей божьей. В результате собор выступает символическим представителем всего общества и в этом качестве мыслится и действует как мистическое единство. Его участники представляют не отдельные части общества, которые через собор получают возможность поддерживать постоянное общение между собой и вырабатывать

друг с другом общую политическую линию (как это характерно для западной политической культуры), — они «представляют» общество в целом.

Для соборного политического сознания все функции представительства сводятся, по сути дела, к одной: собор, если его можно назвать институтом, выступает как представитель общества «в целом» (единственным субъектом политического действия в идеале) в его отношениях с властью (единственным субъектом политического действия на практике) [11, с. 153–155]. Такой орган, естественно, является неким слепком представляемого им общества, то есть собор функционирует как нерасчлененная целостность, внутри которой разделения неуместны, поскольку цель одна. Отсюда — «антифракционность» и вообще негативное отношение к любой частной позиции (в отличие от западной политической культуры с ее приоритетом защиты частного перед общим, из которого и выросли политические партии) внутри представительного органа, как характерная установка соборного политического сознания и столь же характерная особенность соборной модели политического представительства.

Такое понимание единства общества и власти делает существование представительных институтов (а значит и инструментов их формирования в лице партий) вообще необязательным. В обычных условиях власть как единственный легитимный орган принятия решений и единственный реальный субъект политического действия прекрасно обходится без них, а если они и создаются, то функционируют исключительно в режиме демонстрации или в рамках принятия судьбоносных для общества решений. Контроль представительного органа над властью (в частности, в вопросах распределения денег — принятия бюджета, из чего и вырос парламентаризм) в рамках соборной политической культуры вообще не предусматривается, так как власть и общество представляют собой единое целое, обусловленное общей целью построения будущего «яко на небеси и на земли».

Как мы видим, собор, как представительный орган, по сути отличается от парламента. Эти различия, обусловленные историческим опытом и особенностями политического сознания и культуры, предопределяют положение и статус политических партий в России и, соответственно, отношение к ним, особенно если они создаются самой властью [12, с. 1–7].

В рамках парламентской модели депутат рассматривается как представитель группы своих избирателей. Хотя парламент в целом может выступать в качестве совокупного представителя электората или даже нации, но такой подход редко выступает на первый план — разве что в экстремальных ситуациях для объединения народа или при осуществлении вынужденных для парламента функций. Собор же рассматривается и действует как единое целое, представляя все общество: если внутри него есть различия (в подходах, позициях, интересах), то это считается недостатком и, как правило, изживается. Соборная модель по определению не предполагает плюрализма, а предусматривает принцип «дополнительности»; парламентская же модель

исходит из того, что наличие в представительном органе групп (партий), выражающих и отстаивающих разные интересы, не просто естественно — оно и есть основа и суть данного института.

В соответствии с этим, основной функцией парламента считается согласование различных групповых интересов и поиск обычно взаимоприемлемых решений. Дебаты и переговоры — основное занятие парламентария. Собор же, как «представитель» общества в его взаимоотношениях с властью, нужен лишь постольку, поскольку он легитимизирует власть либо отказывает недостойному соискателю в легитимизации. Поэтому он собирается лишь тогда, когда власть по каким-то причинам утрачивает легитимность и нуждается в новом подтверждении своей законности. Собор призван сказать «да» или «нет», что придает его деятельности ярко выраженный плебисцитарный характер.

Применение западных моделей в России

Соборная политическая культура не принимает институт политических партий, который, как чужеродное тело, рано или поздно становится враждебным сложившейся системе государственных отношений. Свидетельством тому служит история дореволюционной России. В эпоху Российской империи в неприятии партийно-парламентской системы были едины как революционеры (А. Герцен, В. Ульянов/Ленин), так и приверженец радикальных консервативных взглядов К. Победоносцев и умеренные консерваторы П. Столыпин и В. Коковцов: все они действовали абсолютно последовательно, намереваясь каждый на своем фундаменте создать «новую соборность».

Поэтому неудивительно и то, что либеральные политики той поры, пытавшиеся сделать из России конституционную монархию (Партия конституционных демократов П. Милюкова и др.), очень быстро перешли на антигосударственные позиции, стремясь разрушить систему государственной власти, а не инкорпорировать в нее «передовые» элементы.

Намерение же монархистов институализировать верность короне в виде политической партии — Союз русского народа (опять «союз», опять всего народа), как противовеса антигосударственным силам, сыграло с ними «дурную шутку»: один убежденный монархист — В. Пуришкевич — участвовал в убийстве Распутина, что стало серьезным ударом для государя и его семьи, а другой — В. Шульгин — оказался одним из активных действующих лиц оппозиционного «Прогрессивного блока» и инициаторов отречения Николая II, положившего начало хаосу и большевистской революции.

Иными словами, в условиях ослабления государственной власти политические партии в России действуют как своеобразный вирус, чье появление и активная деятельность, направленная на разъединение, в первую очередь, элиты по групповым интересам, может окончательно добить государственный организм, когда он ослабевает. Примечательно, что разъединение происходит тоже как-то по-русски — «навсегда», и лишь по вопросам отношения

к власти и «что делать со страной». Институт политических партий России, несмотря на во многом формальное в текущий момент существование, потенциально несет угрозу формируемому общественному и государственному единству. В кризисный для государства момент они могут быть активированы, потому что низким авторитетом, закрытостью, забюрократизированностью они уже дискредитируют государственную власть, но при этом сильно заинтересованы в своем сохранении, так что столетняя история может и повториться.

Нужно признать, что власть в СССР была построена на основе соборной политической культуры. Естественно, это могло и не входить в замыслы «отцов-основателей» Советского Союза, но природа и архетипы оказались сильнее, — «что в голове, то и на деле». Поэтому становится понятно, почему «какую бы партию ни создавала власть, получается КПСС», то есть — партия соборного типа, отвечающая за чаяния всего народа, а не защищающая групповые интересы. Созданные партии пытаются подменить государство и его обязанности по отношению к обществу, причем не в части ограничения и принуждения, а в части расширения прав и свобод.

Относительно короткий период нестабильности и хаоса 1990-х годов закончился началом формирования новой по своим внешним компонентам, но архетипичной по сути соборности вокруг сильной власти, создание которой тормозится стремлением современной элиты сохранить партийный фасад парламентской демократии, который, как мы видим, в исторической перспективе и практике не свойственен российской политической культуре и не учитывает ее исторический опыт и реалии.

Последние 25 лет мы являемся свидетелями процесса разрушения «советской соборности», доставшейся нам в политическое наследие. Виден ее демонтаж с помощью современной реформы образования, культурной толерантности и десакрализации института церкви при активном участии современных политических партий, при поддержке целого ряда фондов, центров и некоммерческих организаций.

* * *

Таким образом, попытки создать в России «современные» политические институты по западной модели не означают успешного прихода в демократическую страну новой формы политического устройства. Традиционное соборное начало не отпускает, более того, порой оно для общественного сознания оказывается сильнее. Возникает вопрос: нужно ли реформировать партийную систему России в соответствии с глубинными основами отечественной политической культуры или стоит продолжать внедрять новые для нашего национального самосознания и практики институты, или же нужно ожидать каких-либо результатов ближайшие лет сорок; насколько целесообразно продолжать имплементацию иностранных шаблонов,

навязывая обществу чуждые практики под угрозой нового государственного переворота?

Без ответов на эти вопросы авторитет и народная поддержка партии власти обречена на неуклонное падение, государственная власть на такой основе будет ослабевать, а вера народа в общие с властью цели — «яко на небеси и на земли» — меркнуть. Поэтому главным вызовом для российской политической элиты должен быть поиск собственного пути, способного объединить воедино традицию и современность.

Список литературы

1. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. 1993.
2. Еремян В.В., Еремян Э.В. Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы её знаем? (часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1.
3. Дмитриев М.Н. Парламентаризм и демократия в России // Власть. 2009. № 9.
4. Колмаков М.А. Феномен коррупции 1720–1740 годов в высших эшелонах власти Великобритании // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1(31).
5. Трунтягин А.А. Политические партии и демократическое правление // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 10.
6. Bruce Steve. Did protestantism create democracy? // Steve Bruce Professor of Sociology Democratization. August 2004. Vol. 11. № 4.
7. Зайченко А.С. Религиозная культура и развитие экономики в странах Европы // Современная Европа. 2008. № 1.
8. Новичков Н.В. Европа и Россия: два пути к демократии // Современная Европа. 2008. № 3.
9. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Избранные произведения. Перевод с немецкого и общая редакция: Ю.Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990.
10. Woodberry R. The Missionary Roots of Liberal Democracy. // The American Political Science Review. May 2012. Vol. 106. № 2.
11. Яцкова А.П. Зарождение идей конституционализма в России (XV–XVII вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3.
12. Селькина Ж.В. Земские Соборы в системе управления российским государством // Огарёв-Online. 2023. № 12.